

Заглавие с экрана.

Вайль, П., Генис, А. Страшный суд. Достоевский [Электронный ресурс] / П. Вайль, А. Генис. – Режим доступа: <http://www.ruslibrary.ru/default.asp?trID=379>. – Заглавие с экрана.

ЛИНГВИСТИКА

Г.В. Кусов¹

Кубанский государственный технологический университет

ДИАГНОСТИКА КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА «НЕПРИЛИЧНАЯ ФОРМА» В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В статье осуществлена попытка описания «неприличной формы выражения» как одного из квалифицирующих признаков оскорбления. Неприличная форма рассматривается в лингвистическом и юридическом аспектах. Предлагается решение проблемы квалификации неприличной формы при помощи понятий «коммуникативная мишень», «вербальная платформа коммуникативной мишени».

Ключевые слова: оскорбление, неприличная форма, лингвистическая экспертиза, коммуникативная мишень

G.V. Kusov

Krasnodar state technical university

DIAGNOSING THE INDICATORS OF INDECENCY IN LINGUISTIC EXPRESSIONS IN FORENSIC EXAMINATION

The article is an attempt to define «indecent form speech» as a categorizing indicator of offence. Indecent form of expression is considered by the author purely linguistically and legally. To qualify indecency of expression is proposed on the basis of such concepts as «communicative target», «verbal platform of communication platform».

Key words: affront, an indicent form of expression, linguistic expertise, communication target

Научно-исследовательский характер экспертной деятельности

¹ Кусов Геннадий Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и правоведения Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар).

предопределяет необходимость поиска путей решения проблем, связанных с построением методологии на основании общенаучных принципов и оценки качества получаемого с ее помощью знания. Судебно-лингвистическая экспертиза является одной из главных форм использования возможностей современного языкознания при отправлении правосудия, поэтому одно из лингвистических «измерений» конфликтного текста, представленного для дачи экспертного заключения, обязательно должно подтверждаться дополнительными измерениями с целью создания полной картины проведенного исследования. Релевалентность данных, полученных из разных источников, подтверждает надежность методологического подхода к решению поставленной проблемы.

Практикующие юристы подчеркивают субъективность и размытость правового дефинирования оскорбления. «...Даже при наличии определения этого понятия в законодательстве оно остается субъективным, причем, так сказать, в квадрате: субъективно понятие унижения чести и достоинства и субъективно <...> понятие «неприличная форма» [Горбаневский, 1997, с. 5]. Сложная ситуация создается, когда законодатель при кодификации норм использует оценочные понятия. Свойства, признаки, детали правовых явлений, фиксируемых оценочными понятиями, в отличие от остальных (неоценочных [Жеребкин, 1976, с. 129], формально-определенных [Власенко, 1997, с. 162]) понятий, подробно не разъясняются законодателем, а оцениваются и конкретизируются субъектами, исходя из эталонов правосознания, практики, нравственности, обычаев. Это самые сложные понятия, так как их содержание нельзя определить однозначно, поскольку их смысл и значение могут зависеть от конкретной обстановки [Головина, 1997, с. 106]. В.Е. Жеребкин рассматривает их как понятия, *неопределяемые* в законе, теории или судебной практике [Жеребкин, 1980, с. 29]. По словам Т.В. Кашаниной, «...законодатель может нормативно закрепить стандарт того или иного оценочного понятия, зафиксировав существенные признаки последнего. Понятие в этом случае *перестает быть оценочным*» [Кашанина, 1975, с. 8]. Таким образом, специфика оценочных понятий права – это *отсутствие у них легальных дефиниций*. Еще одна сторона правового аспекта определения оценочных понятий – юридическая строгость, предполагающая максимальную однозначность ответа.

При осуществлении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, защите чести, достоинства и деловой репутации (оскорбительное мнение) важное значение имеет точное лингвистическое определение понятия «*неприличная форма*» высказывания, которое является одной из важнейших составляющих частей правовой квалификации оскорбления: оскорбление – «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в *неприличной форме*» (статья 5.61 КоАП РФ / статья 130 УК РФ утратила силу с 8.12.2011 г.). Понятия неприличная лексика, неприличная форма выражения, нецензурная лексика, ненормативная лексика, грубая лексика, вульгарная лексика, инвективная лексика, используемые как в обыденном словоупотреблении, так и в лингвистической и юридической литературе, требуют уточнения применительно к бытовому, лингвистическому и юридическому пониманию, поскольку указанные формы отражения не совпадают. Для обыденного (бытового) и юридического аспекта проблемы важен морально-этический аспект анализа: понятия приличие, неприличие лежат в морально-этической плоскости общественного сознания. Поэтому классификация лексики и фразеологии на приличную и неприличную носит именно морально-этический характер. Для лингвистики важен языковой аспект проблемы: какими объективными языковыми характеристиками, семантическими и функциональными особенностями должна обладать та или иная лексическая или фразеологическая единица, чтобы можно было определить ее статус как нецензурной, грубой, неприличной. Морально-этический анализ словоупотребления должен основываться на объективном лексико-семантическом, то есть собственно лингвистическом анализе.

Ученые-лингвисты попытались создать на основе термина «*инвектива*» (В.И. Жельвис определил инвективу как «такой способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической группе как резкий или табуированный» [Жельвис, 2001, с. 16]) классификацию инвективной лексики с целью определения границ ее бытования в дискурсе «словесное оскорбление»: 1) определение степени оскорбительности инвективной лексики по различным основаниям (пометы словарей, общий экспрессивный и эмоциональный фон

лексических единиц (К.М. Шилихина); 2) создание шкалированного юрислингвистического словаря (Н.Д. Голев); 3) «коммуникативная перверсия» – определение степени социальной отчужденности: а) социально нежелательное (смятение); б) социально непринятое (неприятность); в) социально отторгаемое (недопустимое, утрата доверия) (Г.В. Кусов). В настоящее время в лингвистической науке не существует точного и однозначного определения исследуемого понятия. Инвектива – *это резкое выступление против кого-либо, чего-либо, обличение, оскорбительная речь* [Пищальникова, 2005, с. 154]. Инвектива – сознательное оскорбление, выраженное различными языковыми средствами, нарушающее ценности другого человека и имеющее мотив намеренно его оскорбить или унижить [Семенова, 2010, с. 1].

Ситуация, сложившаяся в современной речевой коммуникации, убеждает в том, что проблема квалификации употребления слов и выражений инвективного характера как оскорблений значительно осложняется рядом процессов: 1) усиливающейся размытостью границ и составом самой инвективной лексики, поскольку в ее сферу проникают жаргонные, просторечные, вообще маргинальные, внелитературные слова и выражения; 2) неустойчивостью, нестабильностью и динамичностью негативно-оценочных коннотаций единиц в зависимости от контекста функциональной сферы употребления; 3) расширением ситуаций общения, изменением характера речевых ситуаций (от межличностной к массовой коммуникации); 4) процессами детабуизации инвективной лексики, наблюдаемой в последние годы в печати, в электронных СМИ, на страницах художественной литературы.

К.И. Бринев при ответе на вопрос «Существует ли в русском языке (на уровне кода) этическая единица, позволяющая отождествлять различные фрагменты речевых произведений как приличные или неприличные?» замечает, что «в области приличной и неприличной формы нет инвариантных форм. Это говорит о том, что данное противопоставление не принадлежит коду русского языка» [Бринев, 2010, с. 25].

Не всякая вербальная агрессия может вызвать эффект искажения социального портрета личности в общественном восприятии. Напр., инвектива, произнесенная для выражения

своего внутреннего состояния, не может нанести вред социальной значимости другого лица. Но речевая единица, которая в своем прагматическом выражении опирается на систему социальных стереотипов осуждаемого поведения, автоматически включается во взаимодействие социальных субъективных оценок и изменяет сложившийся социальный портрет адресата. Адресная негативная информация о лице создает предпосылки образования в сознании окружающих его людей новый образ, который будет отличаться от первоначального своим искаженным или «извращенным» видом (ср., лат. *perverto* – губить, портить, извращать). Таким образом, при адресной направленности вербальной агрессии и ее способности понизить социальную привлекательность личности можно говорить о том, что лицо подверглось насилию в виде коммуникативной перверсии.

Е.И. Галяшина замечает, что «не менее сложен вопрос о том, как определить силу воздействия информации – степень ее влияния на сознание и поведение с учетом интенсивности эмоциональной окраски текста» [Галяшина, 2006, с. 48].

М.Л. Степко при анализе научной литературы по вербальной агрессии приводит следующие слова: «Наиболее подходящим нам представляется определение границ «инвектива», которое дает Г.В. Кусов для характеристики лингвокультурного концепта «оскорбление». Исследователь вводит термин «коммуникативной перверсии», ... который означает «вывод из прагматики содержания текста, выражающего намерение автора высказывания создать восприятие образа лица на основе системы вербализованных субъективных социальных оценок» [Степко, 2007, с. 2].

«Создание терминологического аппарата описания инвективы еще признается в качестве цели лингвистического теоретического изучения (Г.В. Кусов), вероятно, при этом предполагается, что «переназывание» фактов другими словами способно решить реальные теоретические проблемы», поэтому К.И. Бринев настаивает на мнении, что «создание терминологического аппарата не имеет слишком большого значения, оно (создание) является в лучшем случае побочным продуктом решения реальных описательных проблем, так как термин – всего лишь удобное средство, служащее для сокращения научного текста» [Бринев,

2010, с. 9].

Юридические свойства концепта «оскорбление» заключаются в его способности представлять некий объем правовой информации, символизм которой отражен в языковых формулах в виде понятийной, семантической и аксиологической составляющей.

Почему же экспертные оценки не всегда дают однозначный результат? С одной стороны, существует ряд объективных причин: отсутствие правил проведения лингвистической экспертизы, недостаточная развитость теоретического аппарата (дефиниционной составляющей) осмысления предмета описания «плоскости» пересечения семантического поля лингвокультуры и диспозиции правовой нормы.

На сегодняшний день теория судебной лингвистической экспертизы определяет «неприличную форму» оскорбления (*оценку оценки*) как крайне негативную обобщенную характеристику лица в случае употребления ненормативной лексики (мата, грубой и обценной лексики), то есть инвективной лексики.

Инвективную лексику и фразеологию составляют слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, опорочить адресата своей речью или объекта оскорбления, обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме (реже используются приемы скрытых оскорблений, напр., применение эвфемизмов или вполне литературных сравнений, что однако не снижает экспрессивности и эмоциональности речи).

Основная часть инвективной лексики и фразеологии состоит из лексики бранной, относящейся отчасти к диалектам, но главным образом, к просторечию, а также к жаргонам, и характеризуется грубо вульгарной экспрессивной окраской, резко негативной оценкой, чаще всего циничного характера. Например: говнюк, гад ползучий, дерьмо, засранец, падла, обалдуй, сука сраная.

Значительное место в инвективной лексике занимает часть бранной лексики, которая относится к табуированным словам и словосочетаниям, то есть к мату (блядь, долбо...б, ...барь, жопа (перен.), курва, манда, мандавошка, мудак, мудила, муда...б, п...зда

(перен.), п...здюк и другие производные, хер (перен.), х...й (перен.) и производные, х...й на палочке, х...й (хер) моржовый).

Среди инвективной лексики есть и известная часть бранных слов и словосочетаний, входящих в литературный язык. Они относятся к разговорной речи, к разным ее пластам. В основном это слова и словосочетания, принадлежащие периферийным пластам разговорной речи, граничащим с просторечием и жаргонами. Такого рода слова и словосочетания в своем большинстве образуют так называемую грубо просторечную лексику – «нижний» разряд разговорной лексики литературного языка (девка – о распутной женщине, проститутке, гад (перен.), гаденыш (перен.), гадина, гнида (перен.), подлый, подлюга, сволочь, скотина (перен.), стерва, сукин сын, старый хрен, хамово отродье). Все эти и подобные слова в современных толковых словарях характеризуются как «бранные», «грубые» или «презрительные».

В разряд инвективной лексики входят также слова, относящиеся к разговорно-обиходной лексике (мерзавец, поганый, сброд, свинья (перен.), хам, хамье, ханжа).

В рамках «литературной» инвективной лексики тоже есть различные группы. Во-первых, это книжная лексика с инвективным значением (мошенник, алкоголик, проститутка), при использовании которой может возникнуть состав клеветы, так как при прямой номинации человека происходит его обвинение (констатирование факта) в нарушении законодательства или норм общественной морали (диспозиции статей 5.60 «Клевета», 17.16 «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя» КоАП РФ). Во-вторых, это эвфемизмы для подобных слов, «щадающие» адресата, но на самом деле несущие такую же инвективную нагрузку («дама легкого поведения»). В-третьих, это переносное, метафорическое употребление таких слов («политическая проститутка»), которое чаще связано с оскорблением. В-четвертых, в литературном языке есть группа слов констатирующей инвективной семантики – «конченная стерва», «мерзавец», «подонок». Поэтому в обобщенном виде под инвективной лексикой подразумевается лексика, оказывающая влияние на понижение социальной привлекательности личности в ее собственных глазах, а также в глазах общественности

(отрицание общественной значимости).

Таким образом, коннотативное значение «ненормативной лексики» и фразеологии связано с эффектом оскорбления, вызванного употреблением стилистически-нормированной лексики, в части прямой вовлеченности «нестандартного» и «субстандартного» [Костер-Тома, 1993, с. 16] слов в причинение «оскорбления», которое представляется в обыденном сознании как негативное социальное явление. Нарушение нормы или отклонение от нормы в речи при инвективном словоупотреблении возникает вследствие стилистической неоправданности выбора языковых средств. Оскорбление в таком понимании включает в себя закрепленные ранее этносоциальные связи, извлекаемые из семантической структуры слова. Однако в обыденном сознании оскорбление воспринимается не на основе точного знания правовой нормы, а на предположении, что речевое событие должно быть квалифицировано как «оскорбление», так как в языковом сознании оно интерпретируется как таковое в сравнении с отступлением от обычного стандарта (литературного языка), который установился в данной этносоциальной среде. Поэтому индивидуальное восприятие оскорбления зависит от принадлежности реципиента к той или иной социальной группе. Коннотативное поле оскорбления в языке отмечено индивидуальной интерпретацией речевого действия на основе личностных представлений о допустимом и возможном речевом поведении.

Искусственность лингвистического противопоставления нормативно/ненормативно становится критерием недостаточности и неполноты при правовой квалификации конфликтного высказывания как оскорбления. В силу этих причин в праве получили закрепление другие виды оценки оскорбительности: посягательство на естественные права человека – доброе имя, честь и достоинство, деловую репутацию.

Таким образом, термин «ненормативная лексика» (под «ненормативной лексикой» подразумевается инвективная лексика и фразеология) получил двойное толкование в лингвистике и в правоведении:

1. В правоприменении к «ненормативной» относят лексику, которая отображает тот слой языка, разряд слов и выражений, употребление которых в речи нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о

приличии/неприличии, и квалифицируется как «оскорбление», так как образует состав преступления или административного правонарушения (статьи 297, 319 УК РФ; 5.61 КоАП РФ).

В этот разряд слов и выражений входят, с одной стороны, лексико-фразеологические единицы из «внелитературной» сферы русского национального языка, так как они находятся вне сферы действия норм литературного языка (блядь, потаскуха); с другой стороны, слова и выражения, принадлежащие литературному языку, то есть «нормированные» (негодяй, подлец, мерзавец).

2. В лингвистике «ненормативной» называют лексику (и любые другие языковые единицы), которая не относится к литературному языку, почему она и получила синонимичное название «некодифицированной» лексики, то есть не представленной в «прескриптивных грамматиках и нормативных словарях» [Костер-Тома, 1993, с. 15]. Это слова из просторечий, жаргонов, диалектов (говно, жопа, быдло, рожа). На них не распространяется действие норм литературного языка, литературной речи. Лингвистическое понимание «нормативности/ненормативности лексики» исходит из признания барьера, дозволенного рамками литературного языка и недозволенного, изучение которого старались избегать до некоторого времени ввиду отрицательности языкового материала [Караулов 1991, с. 4]. Хотя некодифицированная лексика оказывает значительное влияние на развитие этнических стереотипов речевого поведения и на систему ценностных ориентиров складывающихся в обществе.

Предположение наступления эффекта коммуникативной перверсии (покушение на социальную привлекательность) вызывает у реципиента желание незамедлительно начать восстановление утраченной значимости при помощи норм социального контроля, так как в русской лингвокультуре сложился устойчивый стереотип мышления, что *афиширование адресной негативной информации равносильно разоблачению*. Пример: Анна Чапман пригрозила судом организаторам «Серебряной калоши» за упоминание ее имени на вручении премии в номинации «Промоушенничество года» (Газета «Жизнь» № 26, 29.06-05.07.11). Эффект коммуникативной перверсии препятствует апреляции, под которой понимается стремление человека к достижению успеха и признанию его и доброго имени в обществе с целью установления

и поддержания социокультурных взаимоотношений.

Конечно, вопрос классификации упрощает проведение диагностических задач введением *допустимого условия* научного исследования: напр., «На разрешение экспертизы наркотических и психотропных средств выносятся следующие вопросы диагностического характера: является ли данное вещество наркосодержащим средством? к какой группе средств оно относится? каким именно наркотическим средством оно является?» [Россинская, Галяшина, 2011, с. 298]. Экспертиза «наркотического средства» – это, прежде всего, определение формулы химического состава и сравнение полученного результата с «Перечнем наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации», утвержденным подзаконным нормативным актом на уровне Постановления Правительства РФ [Пост. Правительства РФ]. Постановление Правительства РФ «Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» по отношению к судебной экспертизе наркотических средств и психотропных веществ является *допустимым условием*.

При интерпретации оскорбительности в вопросно-ответной конструкции Е.Р. Россинская вводит допустимое исследовательское **условие**: «Какие типы лексики современного русского языка относятся к оскорбительной лексике?», чтобы эксперт смог сразу ответить на второй вопрос «Содержатся ли в предложении (цитате) слова, словосочетания или фразы, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?» [Россинская, 2011, с. 389]. Исходя из определения предмета экспертизы, под которым понимается «установление фактов (фактических данных), суждений о факте, имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дел об административных правонарушениях, путем исследования объектов экспертизы, являющихся материальными носителями информации о происшедшем событии» [Аверьянова, 2009, с. 77], напрашивается только одно следствие, что никакая классификация оскорбительной лексики не является материальным носителем информации о происшедшем событии. На сегодняшний день существует около десятка различных классификаций корпуса

«оскорбительной лексики». Аргументированных доводов, почему именно предлагается за основу та или иная классификация, в указанных работах не приводится. Общепринятой методологической концепции трактовки «негативного» словесного знака в контексте правового поля нет [Черкасова, 2011, с. 87].

Собственно лингвистическая и правовая контаминация «ненормативной» лексики происходит вследствие многофункциональности этого слоя русского языка. Практически в лингвистике «ненормативная» (инвективная) лексика выполняет кроме «оскорбительной», как указывает В.И. Жельвис, еще 21 функцию: напр., средство установления контакта, средство установления «корпоративного духа» общающихся, средство самоуничижения, средство демонстрации «социальной свободы», нарративное средство, средство передачи противника во власть злых сил, средство демонстрации половой принадлежности, эсхрологическая функция, ритуальное осмеяние с оградительными целями, средство сексуальной агрессии [Жельвис, 1992, с. 18].

Таким образом, употребление одинаковой терминологии в лингвистике и праве влечет путаницу при квалификации «оскорбления», избежать которую возможно при помощи детального лингвистического анализа «оскорбления» как лингвосоциального явления.

Смешивание понятий происходит и потому, что в русском языковом сознании понятие «ненормативной лексики» получило ряд синонимов и синонимичных выражений: а) ненормативная лексика, нецензурные выражения, непарламентские выражения (лексика), непечатные слова, публичная нецензурщина, некодифицированная лексика, нелицеприятные слова; б) мат, брань, ругань, отборная матерщина; в) шквал выражений сапожника; г) нехорошие слова, самые последние слова, крепкие слова; д) послать на три буквы, послать куда подальше, отсылать к едреной матери, к едрене фене, в жопу; е) плоские шутки, сальная терминология, чистейший жир; ж) словесные помои; з) излишки плоти; и) кричать благим матом; к) сказать пару ласковых слов, загнуть пару ласковых слов; л) мусор, который засоряет речь; м) обороты, режущие слух; слова, от которых уши вянут; н) тошнотворные измышления; о) небрежное обращение с разговорной речью; п) неправильное употребление устоявшихся речевых оборотов; р)

символ плохого вкуса; с) лингвистические эксперименты.

Инвективную, то есть «ненормативную лексику» отличает диффузность ее значений, что обусловлено, с одной стороны, экспрессивно-оценочным характером слов и выражений, составляющих этот лексико-фразеологический разряд языка. Это обстоятельство создает определенные трудности в определении границы между собственно инвективными единицами и эмоционально-экспрессивными образованиями, передающими определенное состояние говорящего без агрессивных интенций и без цели оскорбления (балаболка, хлыщ, шаромыжник). С другой стороны, эта особенность слов и словосочетаний инвективного характера объясняется тем, что инвективная лексика хотя и относится к речи отрицательно окрашенной, лексико-фразеологические единицы инвективной лексики могут приобретать разные оттенки в зависимости от интенций адресанта, вплоть до противоположных оценок (ср., «ху...вый», но и «ох...ительный»; «п...зда», но и «п...здатый»).

Субъективность значения лексико-фразеологических единиц в разных контекстах аффективной речи зависит не от эмоционально-отрицательных качеств предмета речи с точки зрения норм морали или эстетики, а от того, что субъект речи в данный момент с помощью этих единиц выражает, что в них вкладывает, будь то свое отрицательное эмоциональное состояние или соответствующее отношение к адресату речи [Матвеева, 1986, с. 22]. В высказывании, содержащем инвективные единицы, но не направленном на оскорбление адресата, присутствует лишь стилистическая неоправданность выбора эмоционально-экспрессивных языковых средств. В таких речевых ситуациях адресата, прежде всего, настораживает эмоциональный фон, создающийся при использовании в речи «ненормативной лексики», который он ошибочно принимает за ущерб своей социальной привлекательности, подобный тому вреду, который наступает при оскорблении. Вред в таких случаях естественно присутствует, но он не имеет ничего общего с вредом, причиняемым при оскорблении, когда дается персональная негативная обобщенная оценка личности. «Высказывания, содержащие инвективную лексику, но не содержащие негативной оценки личности отличаются от пейоративных прежде всего своей безадресностью. Они, как правило, имеют эмоциональный оттенок

присущий междометиям и «вырываются» вскользь, так, между прочим» [Жельвис, 1992, с.15].

Итак, инвективная лексика и фразеология внутренне дифференцирована и содержит единицы, относящиеся к литературному языку и к внелитературной сфере современного русского языка, где сосредоточены наиболее грубые, циничные лексико-фразеологические единицы.

Корпус инвективной лексики составляют:

1. Бранной тезаурус, входящий в состав литературного языка и относящийся к разговорной речи. В основном это слова и словосочетания периферийных пластов разговорной речи, граничащих с просторечиями и жаргонной речью. Бранные слова и словосочетания образуют «грубо-просторечную» лексику – «нижний» разряд разговорной речи литературного языка (девка, сволочь, мразь, говно, скотина, блядь, сукин сын).

2. Тезаурус разговорно-обиходной лексики, содержащей в семантическом значении констатирующую резконегативную оценку человека, его поведения, действий (негодяй, подлец, гад).

3. Тезаурус общеупотребительной и книжной лексики (бандит, вор, мошенник, палач).

Негативное воздействие на адресата происходит ввиду одинаковых характеристик инвективной лексики вне зависимости от того, к какому слою разговорной или литературной сфере принадлежит высказывание, обладающее свойством оскорбительности. Критерии оскорбительности зависят, в свою очередь, от качества лексических оценок, содержащихся в высказывании, и от стилистических средств их доставки, так как стилистические характеристики слова, тесно связанные с эмоциональными, и входят в качестве особого компонента в структуру значения слова (Арнольд, 1959; Бондаренко, 1972; Булдаков, 1982; Телия, 1980; Шаховский, 1982; Стернин, 2010 и др.).

Коммуникативные мишени – это составные части социального портрета, на которые нацелен иллюкутивный речевой акт и которые влияют на искажение восприятия лица в ближайшей перспективе социумом (активная функция) [Кусов, 2011, с. 179]. «Основная посылка целевой природы языка (лингвопрагматика) – (акустическое производство не происходит само по себе. В основе него лежат цели, которые нельзя распознать сразу по их внешней

форме) – не только связана с социально разработанными целями, но и с внутри-лингвистическими целями [Тичер и др., 2009, с. 239].

Признаки квалификации «неприличная форма» оскорбления лежат в плоскости «языковой ортологии». Более того К.И. Бринев утверждает, что «противопоставление приличного и неприличного является метапротивопоставлением, то есть находится не на уровне владения языком, а на уровне рефлексии о языке» [Бринев, 2010, с. 26]. В обществе существует этико-лингвистическое соглашение не употреблять «определенные виды» лексики (мат, грубая и обценная лексика) в любом контексте, в силу того что они обладают нормативностью. Если это соглашение нарушается, то нарушение языковых норм сродни по объективной стороне совершения правонарушения. При использовании в речи «профанной лексики» (мат, грубая и обценная лексика), у правоприменителя не возникает сомнений в определении «неприличной формы» оскорбления, так как эти маркеры распознаются без применения специальных знаний в экспресс-анализе. Но лексика, содержащая лексические типы социально-нормативного предцирования (ссылка на известный социальный факт), такие как *церемониальные* выражения (*социальный вердиктив*: вынесение приговора или решения суда, постановка медицинского диагноза, нарушение корпоративной этики, асоциальное поведение и др.), должна обязательно анализироваться в судебной лингвистической экспертизе на предмет наличия стилистической единицы «неприличная форма».

Пример из судебной практики: «Судья – идиот!» [«Цена слова», 2002, с. 340].

Начало лингвистического анализа, в интерпретации действующих рекомендаций (без нашего комментария). Рассмотрим конкретный пример – подсудимый после оглашения приговора в судебном заседании, выходя из зала, сказал в дверях: «Судья-идиот!»

Является ли это выражение оскорблением судьи? Рассмотрим последовательно лингвистические признаки оскорбления.

1. Присутствуют ли в тексте негативные высказывания о лице, то есть высказывания, негативно его характеризующие? «Судья-идиот» – негативное высказывание, оно сообщает о судье негативную информацию.

2. Адресовано ли это высказывание лично судье? Нет, оно лично

судье не адресовано, характеризует его косвенно, будучи произнесено в качестве оценки в зале судебного заседания после завершения слушания дела.

3. Характеризует ли негативное высказывание лицо в целом, обобщенно, как личность? Да, выражение является обобщающей характеристикой.

4. Является ли это негативное высказывание оскорбительным для судьи по содержанию? Оскорбление – это унижение лица в неприличной языковой форме. Анализируемое выражение наносит судье обиду: применительно к нему публично использовано бранное слово (инвектива), а брань морально осуждается общественным сознанием; явно нарушены нормы вежливости (резкое неодобрение характеризует статусное, высокопоставленное лицо); подсудимый публично, в общественном месте, понизил общественный и интеллектуальный статус судьи. Однако при этом анализируемое высказывание не является оскорблением судьи, поскольку оно по содержанию не содержит порочащей судью информации, оно представляет собой субъективное оценочное мнение, а не утверждение о моральных изъянах судьи или нарушении судьей моральных норм или законодательства.

5. Имеет ли анализируемое негативное высказывание неприличную языковую форму? Слово «идиот» – это стилистически разговорное слово, оно не принадлежит к ненормативной лексике и не является нецензурным (непристойным) и, следовательно, не имеет статуса оскорбительной языковой формы в юридическом смысле слова.

6. Высказано ли оскорбление публично? Выражение употреблено в общественном месте – в суде, то есть публично.

Таким образом, спорное высказывание имеет только три признака из шести, позволяющих говорить об оскорблении, причем отсутствуют как раз основные признаки; все необходимые дифференциальные признаки оскорбления в своей совокупности не представлены. В связи с этим с юридической точки зрения высказывание «Судья-идиот!» не выступает как оскорбление судьи».

(Окончание лингвистического анализа, в интерпретации действующих рекомендаций) [«Цена слова», 2002, с. 340].

Лингвистический анализ выражения «Судья-идиот!» на основе интерпретации **внутри-лингвистических целей** (основной

коммуникативной мишени, косвенной коммуникативной мишени, вербальной платформы).

1. Коммуникативная мишень (основная): профессиональная несостоятельность судьи N.

2. Коммуникативная мишень (косвенная): в судьи назначают некомпетентных работников.

3. Вербальная платформа: отрицание общественной значимости – обоснование: греч. «idiota» – необразованный, несведущий человек; неуч, невежда, профан [Латинско-русский словарь, 1986]; слово, копирующее медицинскую терминологию и характеризующее умственную несостоятельность человека: ср., «идиот»: 1) человек, страдающий идиотией, слабоумием; 2) «прост.», «бран.» – дурак, болван, тупица; «идиотия» – мед. Глубокая степень психического недоразвития [Словарь русского языка, 1985]; словарь Д.Н. Ушакова «идиот» – «Человек, страдающий слабоумием, идиотизмом (мед.)» [Ушаков, 2009].

4. Вывод: Раскрытие основной и косвенной коммуникативных мишеней демонстрируют, что использование слова «Идиот!» в отношении судьи N после вынесения приговора – это констатация факта оценки профессиональной деятельности судьи, вынесшего приговор, выражена после провозглашения приговора суда и означает использование маркеров вынесения негативной социальной оценки лицу, «страдающему умственной неполноценностью», с выводом «о недопустимости данному лицу заниматься этим видом профессиональной деятельности». Данная лексическая единица не направлена на выражение недовольства, то есть не является экскламацией или рефлексивом (выражение эмоционального состояния), так как согласно словарю русского языка под ред. А.П. Евгеньевой использована как «бранная лексика», направленная на понижение социальной значимости лица и причиняющая первверсивный эффект социальной перспективе обозначенного лица вынесением «диагноза» (идиотия) без обнаружения на то в спорном тексте специальных полномочий.

Экземплификация: текстовый материал для сравнения (А.И. Куприн, «Поход»): «Чего же ты лез на штык, идиот?» [Куприн, 1971].

1. Коммуникативная мишень (основная): опасное для жизни поведение, неоправданное с утилитарных позиций.

2. Коммуникативная мишень (косвенная): отсутствие навыков обращения с оружием.

3. Вербальная платформа коммуникативной мишени: издевка, сожаление, предостережение.

4. Вывод: лексическая единица «идиот» демонстрирует неудовлетворенность опасным для жизни поведением лица и выражает заботу о номинированном лице.

Таким образом, использование слова «Судья-идиот!» в промежуток времени близкий к окончанию вынесения приговора (пока все выходили из зала судебного заседания) означает проявление агрессивного вербального поведения в отношении судьи N, с целью создания эффекта коммуникативной перверсии, выраженного стилистически сниженными «языко-речевыми» средствами инвективного характера (**«неприличная форма высказывания, то есть с целью оскорбления в правовом понимании – в тексте заключения судебной лингвистической экспертизы не указывается»**). **Эффект коммуникативной перверсии активирован** (↑) средствами инвективного характера (социальный вердиктив), отрицающими общественную значимость адресата.

Объединение традиционного естественно-языкового регулирования речевых конфликтов с правовым методом расширяет возможности такой лингвистической сферы, как *ортология*, углубляет понимание применения «языко-речевых» норм в диагностике и теории судебной лингвистической экспертизы: напр., при переводе языковых признаков слов «бранное», «пренебрежительное» в правовые «оскорбительное», «порочащее», «неприличная форма».

Особенностью вопросно-ответной (интеррогативной) процедуры судебной лингвистической экспертизы лингвистических фактов, содержащих описание события преступления (административного правонарушения, деликта) является невозможность дать заключение о нарушении правовой нормы, так как волевой момент правовой квалификации относится к компетенции адресата доказывания, а не судебного эксперта. В диспозиции уголовно-правовой и административно-правовой норм «оскорбление» определение «неприличная форма» к сфере квалификации психического отношения виновного к совершенному деянию не имеет отношения,

так как это *квазиправовой* вопрос. Доказательство наличия/отсутствия «неприличной формы» в оскорбительном выражении должно проводиться лингвистическими средствами.

Алгоритм Типовой методики [Кусов, 2011] диагностики признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе принимает завершённый вид: I часть [Кусов, 2011]: анализ элиминации ложных гипотез, алгоритм диагностики оскорбительности на основе замещения социальных оценок и сравнения подобий; II часть: вопрос о «неприличной форме» оскорбления – анализ внутри-лингвистических целей (коммуникативных мишеней и вербальной основы, вопрос об эффекте коммуникативной перверсии, который выражен стилистически сниженными инвективами и «языко-речевыми» средствами инвективного характера).

Вопрос о «неприличной форме»: каково содержание внутри-лингвистической цели спорного высказывания (эксперт раскрывает содержание основной коммуникативной мишени, косвенной коммуникативной мишени, вербальной платформы)? влияет ли данное высказывание на понижение социальной значимости лица? каким способом создается эффект коммуникативной перверсии?, (подразумевается ли вынесение медицинского диагноза, отправление в человеческий низ, сравнение с отходами жизнедеятельности, обвинение в асоциальном поведении, обвинение в нарушении социального ритуала, профанная номинация лица – все то, что может квалифицироваться как «неприличная форма» оскорбления, наряду с использованием мата и обсценной лексики).

Пример. «N обгадился» (в переносном смысле).

Экспертиза 1 (по запросу дознавателя). Вывод. Эксперт-лингвист А. Шишлянникова: «Обгадился. В прямом значении это слово обозначает действие, связанное с «телесным низом» человека». Оно относится к просторечной лексике, находящейся за пределами литературного языка. Употребление в переносном, метафорическом значении, это слово приобретает еще более грубую, циничную, оскорбительную окраску».

Экспертиза 2 (по запросу адвоката через шесть месяцев). Вывод. Эксперт-лингвист М. Горбаневский: «В проанализированных высказываниях не содержится информации (сведений) оскорбительного характера, то есть в этих высказываниях

отсутствуют неприличные словосочетания, слова; вся лексика (все слова и выражения) – относятся к литературному языку. Кроме того важно заметить, что тексты в которых содержатся проанализированные высказывания, являются критикой действий лиц, занимающих определенное положение...» [Сафонова, 2005].

Анализ высказывания на основе интерпретации внутрилингвистической цели (основной коммуникативной мишени, косвенной (факультативной) коммуникативной мишени, вербальной платформы высказывания): 1) коммуникативная мишень (основная) – «N не выполнил задуманное»; 2) коммуникативная мишень (косвенная) – «N не имеет навыков, N не способный»; 3) вербальная платформа – «неудача». **Эффект коммуникативной перверсии минимизирован** (↓) (неприличная форма оскорбления отсутствует), так как констатация «неудачи» указывает на наступление ожидаемого результата или неуспешной затее предпринятого (социальный неинвективный дескриптив).

Вывод: «неоправдание ожиданий не причиняет вред социальной привлекательности кого бы то ни было». Выражение «N обгадился» (в переносном смысле) – социальный дескриптив «неудачи», не имеющий инвективного значения, не направлен на адресата, имеет дополнительную стилистическую нагрузку констатации.

Правовая материя условна и изменчива. Она не возникает сама по себе, а целенаправленно создается человеком, который стремится организовать свою жизнь в соответствии с определенными рациональными правилами, которые могут меняться с течением времени и изменениями социальной среды [Губаева, 2004, с. 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – М.: Норма, 2009. – 480 с.

Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: автореф. дис. ... докт. фил. наук: 10.02.19 / К.И. Бринев. – Кемерово, 2010. – 42 с.

Власенко, Н.А. Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ): диссертация в форме науч. докл. на соиск. уч. ст. д.юр.н. / Н.А. Власенко. – Екатеринбург, 1997. – 70 с.

Галяшина, Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь

судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В.Горбаневского. – М.: Юридический мир, 2006. – 96 с.

Головина, С.Ю. Понятийный аппарат трудового права: монография / С.Ю. Головина. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА. – 1997. – 205 с.

Горбаневский, М. Оценка и ненормативность в материалах СМИ / М. Горбаневский // «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» / Авторы-состовители А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – С. 3-12.

Губаева, Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. – М.: Норма, 2004. – 160 с.

Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь (около 50 000 слов). Издание 3-е, исправленное. – М.: Русский язык, 1986. – 840 с.

Жельвис, В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.

Жельвис, В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: автореф. дис. ... докт. филол. наук / В.И. Жельвис. – М., 1992. – 51 с.

Жеребкин, В.Е. Логический анализ понятий права / В.Е. Жеребкин. – Киев: Вища школа, 1976. – 150 с.

Жеребкин, В.Е. Содержание понятий права (логико-юридический анализ): автореф. дис. ... докт. юр. н. / В.Е. Жеребкин. – Харьков, 1980. – 30 с.

Караулов, Ю.Н. О состоянии русского языка современности: доклад на конф. / Ю.Н. Караулов // Русский язык и современность. Пробл. и перспективы развития русистики. – М.: Наука, 1991. – С. 3-34.

Кашанина, Т.В. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Кашанина. – Свердловск: Свердловск. юрид. ин-т, 1974. – 16 с.

Кестер-Тома, З. Стандарт, субстандарт, нестандарт / З. Кестер-Тома // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – С.15-31

Куприн, А.И. Поход / А.И. Куприн // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. – М.: Худ. литература, 1971. – С. 137-146.

Кусов, Г.В. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типовая методика): монография / Г.В. Кусов. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2011. – 156 с.

Кусов, Г.В. основополагающие принципы проведения судебной лингвистической экспертизы / Г.В. Кусов // Модернизация современного общества: проблемы, пути развития и перспективы: материалы I Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Часть 2. / ред. И.Н. Титаренко. – Ставрополь: Центр научного знания «Логос», 2011. – С. 176-179.

Кусов, Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики / Г.В. Кусов // Российский судья. – 2011. – № 9. – С.15-19.

Матвеева, Т.В. Лексическая экспрессивность в языке: учебное пособие /Т.В. Матвеева. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 92 с.

Пищальникова, В.А. Язык как регулятивный механизм деятельности / В.А. Пищальникова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 9. / под ред. В.А. Пищальниковой. – М.: МГЭИ, 2005. – С. 147-157.

Пост. Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» с изм. от 8 июля 2006 г., 4 июля 2007 г., 22 июня, 31 декабря 2009 г., 21 апреля, 3, 30 июня, 29 июля, 30 октября, 27 ноября, 8 декабря 2010 г., 25 февраля, 11 марта, 7 июля, 06 октября 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12112176>. – Заглавие с экрана.

Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 736 с.

Россинская, Е.Р., Галяшина, Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – М.: Проспект, 2011. – 464 с.

Сафонова, Ю. Словесная канитель: Полемические заметки эксперта-лингвиста, навеянные Постановлением Верховного Суда РФ / Ю. Сафонова // Журналист. – 2005. – № 9. – С.81-83.

Семенова, Н.В. Инвективное функционирование языка и способы его проявления [Электронный ресурс] / Н.В. Семенова –

Режим доступа: <http://www.tmborags.ru/index.php>. – Заглавие с экрана.

Словарь русского языка: в 4 т. Т. I: А – Й / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985. – 698 с.

Степко, М.Л. Определение объема и границ понятия «инвектива» в отечественной лингвистике [Электронный ресурс] / М.Л. Степко. – Режим доступа: <http://www.lingvomaster.ru/files/263.pdf>. – Заглавие с экрана.

Стернин, И.А. О понятии «неприлична форма высказывания» в лингвистической экспертизе / И.А. Стернин // Воронежский адвокат. – 2010. – № 1. – С. 16-21.

Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер; пер. с англ. А. Киселевой. – Харьков: Изд. Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.

Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт: ДОМ. XXI век, 2009. – 1248 с.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Галерея, 2002. – 424 с.

Черкасова, М.Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ: монография / М.Н. Черкасова. – Р-н-Д.: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. – 123 с.